

ДОСТОЕВСКИЙ И СТАЛИНИЗМ

Борис Ихлов

Писать о Достоевском можно бесконечно. А после Бахтина даже как-то неудобно. Однако нас с вами интересует не поэтика, а политика.

Вот как характеризует политические взгляды Федора Михайловича американская Википедия на русском: «Достоевский не вписывался в рамки официального марксистского литературоведения, так как выступал против насильственных методов революционной борьбы, проповедовал христианство и противоборствовал атеизму.»

Касательно проповедей – точно так же, как и в редакции Википедии, думали Бердяев, Розанов, Мережковский. Мы увидим, что их точка зрения далека от истины. А вот остальное – напоминает современные постановки в европейских (а ныне и российских) театрах «Евгения Онегина». Внимание американцев обошло тот момент, что Ленин, приговаривая «архискверный Достоевский», подписывал проект памятника писателю. Ведь сама же Википедия отмечает, что в 1921 году А. В. Луначарский в речи на торжестве в честь столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского причислил его к великим писателям.

«Произведения писателя были на долгое время исключены из школьных и даже вузовских программ по литературе». Ну, тут Википедияхватила, по самую антабку. Масса экранизаций, масса спектаклей, Достоевского изучали в школе и при Сталине, и после. Одна коммуна имени Достоевского чего стоит. И даже фильм! Сама же Википедия и указывает: ««Мёртвый дом» - биографический фильм режиссёра Василия Фёдорова (СССР, 1932). В роли Достоевского Николай Хмелев.»

«Ленин не мог и не хотел тратить драгоценное время на чтение романов писателя». - Простите, а откуда ж он тогда узнал, что Достоевский – архискверный??

«В марксистской критике признание гениальности Д. как художника сопровождалось борьбой против его реакционных идей.» - утверждает задолго до Википедии, в Большой советской энциклопедии, А. А. Белкин. В Википедии – «не вписывался», у Белкина – «реакционные». А... какие реакционные идеи?

Да, причислял себя к славянофилам. Да ведь славянофилов никогда в классовые враги не записывали. Нет, отчего же, можно еще пушкинское послание Мицкевичу «Клеветникам России» вспомнить.

Да, написал «архискверные» «Бесы». Грубо исказил события во время стачки на невольничьей бумагопрядильной фабрике, читайте, например, хроники Плеханова той же стачки. Но кто не писал пародий на революционеров. Так называемых революционеров. Первый – Герцен! Вот кто указал на **тщеславие** в их среде. Разве сегодня вокруг вас таких, гроыхающих революционной фразой, мало? Да они у всех на слуху: Удальцов, Шапинов, Соловейчик, Настя Мальцева-Хрустальная... В качестве типажа Достоевский рисует Лебезятникова: «Эх, если б были живы мои родители, как бы я их огрел протестом!» Это не характеристика личности Лебезятникова, родители здесь – лишь способ, чтобы выпукло показать фальшивость такого рода революционности, это характеристика явления.

Идеалист? Да... Если посмотреть с точки зрения строгой философии... Но ведь идеалист идеалисту рознь. Платон, Гегель – тоже идеалисты. Владимир Соловьев – еще как идеалист, да еще и церковник. Правда, религиозность странная – Соловьев отрицал дьявола и вечное зло. И кто, указывает А. Ф. Лосев, как не Соловьев, дал «убийственную характеристику византийско-московского православия», кто поддержал Чернышевского, а в 1881 году в своей публичной лекции не побоялся утверждать, что царь должен помиловать народовольцев? И Лев Толстой, и Достоевский, пишет Лосев, - идеалисты. «Однако первый сыграл огромную роль в борьбе с самодержавием, а второй разоблачил ничтожество буржуазно-капиталистической культуры и неистово пророчествовал о гибели мелкобуржуазного оптимизма и о грядущей его катастрофе.» («Вл. Соловьев»)

Можно дополнить, что и Толстой разоблачил, и Достоевский сыграл роль в борьбе с самодержавием.

Может, Достоевский антисемит? Можно приклеить ярлычок? Вот что пишет сам Достоевский:

«Всего удивительнее мне то: как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа, как нации? Как эксплуататора и за некоторые пороки мне осуждать еврея отчасти дозволяется самими же этими господами, но лишь на словах: на деле трудно найти что-нибудь раздражительнее и щепетильнее образованного еврея и обидчивее его, как еврея. Но опять-таки: когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают...»

Но все-таки не могу вполне поверить крикам евреев, что уж так они забиты, замучены и принижены. На мой взгляд, русский мужик, да и вообще русский простолудин, несет тягостей чуть ли не больше еврея. Мой корреспондент пишет мне в другом

уже письме: "Прежде всего, необходимо предоставить им (евреям) все гражданские права (подумайте, что они лишены до сих пор самого коренного права: свободного выбора местожительства, из чего вытекает множество страшных стеснений для всей еврейской массы), как и всем другим чужим народностям в России, а потом уже требовать от них исполнения своих обязанностей к государству и к коренному населению".

Но подумайте и вы, г-н корреспондент, который сами пишете мне, в том же письме, на другой странице, что вы "не в пример больше любите и жалеете трудящуюся массу русского народа, чем еврейскую" (что уже слишком для еврея сильно сказано), - подумайте только о том, что когда еврей "терпел в свободном выборе местожительства", тогда двадцать три миллиона "русской трудящейся массы" терпели от крепостного состояния, что, уж конечно, было потяжелее "выбора местожительства". И что же, пожалели их тогда евреи?...» («Еврейский вопрос»)

Так ведь и Ленин осуждает евреев в России за «настроения гетто», за обособленность. Именно такая картина сегодня в России – с еврейскими общинами. В этом плане евреи – не что-то уникальное, точно так себя ведут китайцы, например, в Канаде (Чайна-таун).

Так вот, дабы высказываниями массы экзальтированных идиотов не позорить память евреев, которые воевали с бандеровцами, которые получили звание Героев Советского Союза, прикончим этот вопрос высказыванием такого еврея, как Маркс: «Эмансипация евреев есть эмансипация человечества от еврейства», т.е. от присущего ВСЕМ нациям торгашества («К еврейскому вопросу»).

Нет спору – Достоевский превозносит русский народ, видит в нем мессию: «...В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во всё жививается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы <...> У него инстинкт общечеловечности.»

Так ведь и Пушкин тоже: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...» Но Пушкин тут же отмечает: «Я полон презрения к своей нации. Но мне будет досадно, если иностранец разделит со мной это чувство.»

Примерно то же говорит Василий Розанов. «Страна рабов, страна господ...» - пишет Лермонтов.

«Сверху донизу – все рабы», - повторяет Чернышевский. «Лучше унижать свою родину, бичевать ее, только бы не обманывать», - будто бы подытоживает Чаадаев.

И Достоевский не смотрит на русских сквозь розовые очки:

«...А мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены... Идеи-то, пожалуй, и бродят, и желание добра есть, хоть и детское; и честность даже найдется, несмотря на то, что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет! Деловитость в сапогах ходит...» (Разумихин в романе «Преступление и наказание»)

Причем не жалуется и прочих славян: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому - не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! ... Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешавшейся Европа, так Россия проглотила бы их тотчас же, "имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на поработении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени". Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее.»

Да ведь и Ленин... Антонио Грамши пишет о нем: «Ленин был великим интернационалистом потому, что был глубоко национален...» Вот что Ленин пишет: «Прежде всего, несколько замечаний о патриотизме. Что «пролетарии не имеют отечества», это действительно сказано в «Коммунистическом манифесте»; что позиция Фольмара, Носке и К^о «бьет в лицо» этому основному положению интернационального социализма, это также верно. Но отсюда ещё не следует правильность утверждения Эрве и эрверистов, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живёт: живёт ли он в монархической Германии, или в республиканской Франции, или в деспотической Турции. Отечество, т.е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата; и если неправ Фольмар, устанавливающий какое-то «истинно немецкое» отношение пролетариата к «отчеству», то не более прав и Эрве, непростительно критически относящийся к такому важному фактору освободительной борьбы пролетариата. Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьба его страны. Но судьба страны его интересует лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма». (Воинствующий милитаризм. 23.7.1908. ПСС, т.17 с. 190)

И вот что еще говорит: «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это – настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы... Это лучший революционный патриотизм.» (VIII Всероссийский съезд Советов. 21.12.1920. ПСС, т.42. с. 124)

В Манифесте «не имеют». Скорее всего, перевод не точен – лишены! Точнее у Бомарше: «Разве у бедняка есть родина?» Ленин подчеркивает: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину...» Горький в очерке «Владимир Ильич Ленин» пишет: «Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским языком и искусством. Эта черта казалась мне странной и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой радостной любви к своему народу. На Капри он, глядя, как осторожно распутывают сети, изорванные акулой, заметил: "Наши работают бойчее". А, когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал: "Гм, гм, а не забываете ли Вы Россию, сидя на этой шишке?"» При этом Ленин тут же писал о «плохо орабоченном» русском рабочем, в сравнении с западным и дотошно изучал систему Тейлора.

«Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое... Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика», - ставит точку Ленин («О национальной гордости великороссов»).

Слышите? Гордимся. И Достоевским тоже. Слышите? «Начали свергать». Вот только тогда – гордимся. Мы гордимся русско-украинской нацией, которая в Новороссии восстала против фашизма. Мы гордимся русскими в России, которые ради Новороссии отдавали последнее.

Достоевский, как и Соловьев, ратовал за особый путь развития России, придерживался теории почвенничества. Указывал на язвы надвигающегося прогрессивного капитализма. Но ведь и МанDEVиль указывал, и Маркс высоко ценил за это МанDEVиля. А пропаганда особого пути – когда до классовых битв было далеко, когда спора Ленина с народниками, стоявшими за особый путь России, еще не было в проекте – какой же вред могла принести позиция Достоевского?

Итак, архискверный ли Достоевский? «Выламывался» ли из рамок марксизма? Проповедовал ли христианство?

Митрополит Федченков в своих мемуарах «На рубеже веков» тоже полагает, что Достоевский доказывает существование бога:

«А у Достоевского в "Братьях Карамазовых" есть такой разговор между Иваном и лакеем Смердяковым, сыном их общего отца Федора, убитого им, и Лизы Смердящей: "Ты, Иван, говоришь, что Бога нет? Ежели нет, так все можно!" Вывод точный, неопровержимый: без Бога нет и греха. Ученый Иван понимал, конечно, это, но осуществить до конца не мог. А лакей Григорий Смердяков делом доказал это: Бога нет - и отца убить можно; и нечего тут мучиться, как если клопа раздавить...»

Вывод глупый, пещерный. 1) от убийства предохраняет не церковь, а закон. 2) В древней Греции или в Древнем Риме никому бы в голову не пришло, что Зевс или Юпитер наказывают на том свете за мирские грехи. Нет ни одного мифа, где бы описывалось, как боги наказали за воровство, мошенничество, избиение, бытовое убийство, изнасилование, грабеж, бандитизм.

Далее Федченков, как человек ограниченный религией, грубо упрощает притчу о великом инквизиторе у Достоевского, он не понимает, что Достоевский переносит события в средние века, чтобы не обвинили, что он говорит о современной ему России. Однако Федченков тут же и точно подмечает важный момент, как Достоевский указывает на стену между народом и «друзьями народа»:

«... Кроме этого, безусловно, должно признать за русским народом и настоящий здравый ум. И до революции, почти всю вторую половину XIX столетия, интеллигенция России, одинаково как западники, так и славянофилы, верила в народ, в его ум, в то, что народ скажет свое слово, у него надо учиться. Так же и даже особенно Достоевский настаивал. Но он же и предупреждал, что эти почитатели народа, готовые идти к нему на поклон, легко могут изменить ему. Пока народ во всем согласен со своими почитателями и вторит им, он и хорош, и умен. Но попробуй тот же умница-народ что-нибудь подумать и сделать по своему собственному уму-разуму, тотчас же те не только отвернутся от него, но даже и проклянут. И это, говорил в "Дневнике" Достоевский, и не только одни западники, но и правые

славянофилы, они-то даже пуще всего! Это предсказание буквально исполнилось на народе: от него ушли почти все интеллигенты-революционеры, а правые и доселе злобно ненавидят его...»

О том, что у рабочих надо учиться, говорит и Ленин. Насколько прозрачнее Федченкова пишет Плеханов: «Но такой рабочий класс не доверит свою судьбу даже самым искренним своим доброжелателям.» («Социализм и политическая борьба»).

В романе «Идиот» самый положительный герой, князь Мышкин, горячо проповедует... христианство? Читаем:

«... Католичество - все равно что вера нехристианская! - прибавил он вдруг, засверкав глазами и смотря пред собой, как-то вообще обводя глазами всех вместе. ... Нехристианская вера, во-первых! - в чрезвычайном волнении и не в меру резко заговорил опять князь: - это во-первых, а во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение. Да! таково мое мнение! Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! ... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: Non possumus! По-моему, римский католицизм даже и **не вера**, а решительно **продолжение** Западной Римской **империи**, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества! Атеизм, прежде всего, с них самих начался: могли ли они веровать себе сами? Он укрепился из отвращения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного! Атеизм! у нас не веруют еще только сословия исключительные... корень потерявшие; а там уже страшные массы самого народа начинают не веровать, - прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к церкви и ко христианству! ... это дело не исключительно одно только богословское! Ведь и социализм порождение католичества и католической сущности! Он тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католичеству в смысле нравственном, чтобы заменить собой потерянную нравственную власть религии, чтоб утолить жажду духовную возжаждавшего человечества и спасти его не Христом, а тоже насилем! Это тоже свобода чрез насилие, это тоже объединение чрез меч и кровь! "Не смей веровать в бога, не смей иметь собственности, не смей иметь личности, fraternité ou la mort, два миллиона голов!" ... И не думайте, чтоб это было все так невинно и бесстрашно для нас; о, нам нужен отпор, и скорей, скорей! Надо, чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали! Не рабски попадаясь на крючок иезуитам, а нашу русскую цивилизацию им неся... Не из одного ведь тщеславия, не все ведь от одних скверных тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а и из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали! Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. ... "Кто почвы под собой не имеет, тот и бога не имеет"... "Кто от родной земли отказался, тот и от бога своего отказался". ... Откройте жаждущим и воспаленным Колумбовым спутникам берег "Нового Света", откройте русскому человеку русский "Свет", дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий, вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства.»

Не один Достоевский будет проповедовать непротivление злу насилем – и Толстой, и Неру, и Ганди, а Ленин будет нещадно критиковать Толстого.

Еще бы, скажем, еще бы – в кружке Петрашевского Достоевский вместе с Н. А. Спешневым готовил государственный переворот. Затем арест, 8 месяцев в Петропавловской крепости, приговор к смертной казни, замена четырехлетней каторгой и отбытием воинской повинности.

Но разве православие – не продолжение империи? Как точен тут Достоевский, хоть, в отличие от Соловьева, боится писать о православии. Не мог он пройти мимо такого позорного факта, что в 1866 году «за изложение самых крайних материалистически взглядов» был наложен арест на книгу русского физиолога и мыслителя И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», противоречившую религиозным представлениям о человеке и его душе. Петербургский митрополит Исидор попросил Синод сослать Сеченова «для усмирения и исправления» в Соловецкий монастырь «за дерзостное душепагубное и вредоносное учение». Впоследствии арест на книгу был снят, но до 1894 года она числилась в спецхране... простите, хуже: в списках книг, запрещенных для хранения в библиотеках. Самого Сеченова занесли в списки неблагонадежных, ему запретили читать лекции («Материалы по пересмотру действующих постановлений цензуры и печати». Ч. I, СПб, 1870, с. 499 – 505; В. Прокофьев, «Атеизм русских революционных демократов», М., 1965, с. 88)

Но разве христианство – отрицает насилие? «И истребишь все народы, которые господь твой дает тебе, да не пощадит их глаз твой» (Книга Исаяи). Убийство египетских младенцев, всемирный потоп, наконец.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына и дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» (от Матфея, 10:34-38)

«... если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; ...» (Лк 14:26).

Убивай гадалок, иноверцев, буйных и непокорных, невестственных жен – вот чему учит Библия.

Неужто Достоевский не в курсе, неужто считал христианство лишенным насилия?

Но так ли привержен Достоевский христианству, если он в кружке С. Ф. Дурова дважды раз читал письмо Белинского Гоголю с осуждением книги, где Гоголь пропел «гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического».

Белинский пишет: «По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почёсывая себе задницу. (Здесь Белинский цитирует самого Гоголя: русский мужик крестится, «почесывая залатанный зад» («Мертвые души».) Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадю, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? Попов... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете?»

Достоевский, наоборот, выворачивает, что католичество – зло... Понимаете – он выдумывает липовое ненасильственное христианство, чтобы противопоставить его христианству же, но только реальному. Какая же тут проповедь христианства, тут яростная атака на него. Говорил о «духовном примирении», и тут же, не имея возможности обвинить православную церковь, точно так же являющейся орудием государства, он все обвинения в ее адрес переносит на католичество.

Достоевский убежден в «реальности и истинности требований коммунизма и социализма...» («Литературное наследство», т. 83, 1971, с. 446). Но не понимает, что такое социализм, он рисует его с Бакунина и Нечаева, приписывает ему подавление личности, когда на самом деле – и об этом пишет Маркс – личность подавляет тяжелый подневольный труд. Не чувствуя это, Достоевский уверен: «... зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, ... ни в каком устройстве общества не избегнете зла...» (Полн. собр. худ. произведений, т. 12, 1929, с. 210). То, что зло – в обезличивании человека тяжелым, однообразным трудом – не касается писателя. Он живет исключительно той эпохой, когда в России капитализм едва пускал корни, он не знает истории других стран, не ведает других народов.

Достоевский стерилен в атеизме – недаром только в России Карл Рудольф, издавший работы по теории эволюции, был подвергнут гонениям, еще была попытка со стороны министерства по печати запретить издание трудов Дарвина. Россия не прошла тот путь борьбы философии и становящейся науки с религией, который прошла Европа в XVII веке.

Но посмотрите, как яростно защищает Достоевский и атеизм, и социализм, когда указывает, откуда они берутся в России.

Ничего архискверного, с точки зрения большевизма, нет, не так ли?

Где ж это золото, что ищет Достоевский? Почвенничество. «Кто от земли отказался.» «Воскресение может быть только одной русской мыслью.»

Но. - «Разве у бедняка есть родина?» - возражает Бомарше. То есть – нет ничего. Всё отняли, в том числе родину. «Рабочие лишены отечества», - повторяет Маркс.

Однако постойте - Достоевский упрекает социализм в безбожии и в отрицании права на собственность. Которой у рабочих в царской России и не было. И тут же упрекает католичество в вещизме. Что-то здесь не так. Именно католичество? Или Достоевский не в курсе, что РПЦ – крупный землевладелец, что родился – плати, женился – плати, умер – плати? Не знает русских поговорок о православных попах? Вряд ли...

Википедия договорилась до того, что «политические взгляды Ф. М. Достоевского следует рассматривать в рамках теории официальной народности (православие, самодержавие и народность)». И еще хлеще: «Марксистско-ленинское литературоведение не могло не расценивать Достоевского как классового врага, контрреволюционера. ... В условиях строительства пролетарской культуры революционное литературоведение вынуждено было сбросить Достоевского с корабля современности.»

И тут же себя опровергает: «Свои политические взгляды времен петрашевцев Достоевский позднее назвал «теоретическим социализмом» в духе системы Фурье». И еще: «После первой поездки по странам Европы в 1862 году «Достоевский становится противником распространения в России универсального, общеевропейского прогрессизма», выступив в статье «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863) с острой критикой западноевропейского буржуазного общества, подменившее свободу «миллионом»».

Ну, нельзя же одновременно бунтовать против царя, быть социалистом, выступать против буржуазии, против власти денег, против стяжательства – и одновременно быть классовым врагом! Википедия путает Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП) со всей литературной Россией. Какое, к черту, «самодержавие» - свержение власти, вот что замышлял в кругу петрашевцев Достоевский. Вся русская общественность расценила «Братья Карамазовы» как бунт против бога, какое, к черту, православие, редакция Википедии не в курсе? И старец покойный у него именно «провонял», и...

«... Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.

- Это бунт, - тихо и потупившись проговорил Алеша.»

Бунт, бунт, не сомневайтесь! Иван повторяет безбожника Вольтера: «Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» (Собрание соч., т. 9, 1958, с. 295). То есть: не абстрактного, разумеется, мира, а царской России.

«- Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, - проникновенно (! Б. И.) сказал Иван. - Можно ли жить бунтом, а я хочу жить.»

Еще бы. Стоило бы сказать: «Я еще жить хочу.» После Петропавловской крепости и смертного приговора.

Предательства, предательства не прощает Ленин Достоевскому. «Жить, как угодно, под кем угодно, хоть на коленях – только бы жить!» - вот кредо Достоевского после ссылки. Не прощает – именно как *своему*. Потому что пример с Достоевского будут брать, а власти – указывать юным на этот пример: «Ведь вот что в результате вышло...» Толстой не шел в революцию, Толстой у Ленин критикуем, но «зеркало русской революции». Достоевский шел в революцию, он *свой*.

Против системы, страшного «мира божьего» Достоевский слабенько выдвигает христосиков, готовых страдать за всех Алешу, князя Мышкина, Соню Мармеладову. И ведь знает, сам наделяет такими фамилиями: Мармеладова, Мышкин.

Но.

Достоевский постоянно восстает против абстрактной постановки вопроса... В «Идиоте»: зарезал шестерых – а объяснит общественными язвами... Антисемит? Нет же, давайте говорить конкретно... Послушайте абстрактные лозунги европейских и американских левых: буржуазия – эксплуататор. Всё! В России обычные рядовые люди, не партийные, далекие от партийной абстрактной догматики, вскрыли тот факт, что элита СССР, с ее моральным кодексом строителя коммунизма – фальсификат. Левые на Западе не сделали даже этого.

В то же время Достоевский втискивает конкретику в абстрактные категории, своеобразный эзопов язык – скажем, в «Великом инквизиторе» - конкретику, облеченную в религиозную форму. Он противопоставляет «светильникам разума», «духовным пастырям», партии масс («ордену меченосцев», по выражению Сталина) – сами массы, которые всегда готовы передоверить свои судьбы человеку государственному. Человеку просветленному, «слышащему подземный гул истории» (Отрега-и-Гассет, «Восстание масс»), стоящему над, способному обобщать, вооруженному передовой теорией...

«... нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается.»

Человек есть общественное животное, формулирует Аристотель. Свобода одного, говорит Иммануил Кант, возможна лишь за счет ущемления свободы другого. Ограничение свободы дает новые возможности, объясняет Людвиг Фейербах. Личность человека, определяет Карл Маркс, есть совокупность общественных отношений. Жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, смеется Владимир Ленин... Пойдите, пойдите, Достоевский о другом. Он о массах. Может, о современных российских рабочих? Посмотри: твоих товарищей увольняют тысячами, ты готов поднять бунт, готов взять производство в свои руки? – «Не хочу ответственности...» Отработать смену – и к телевизору. Свобода!

«Человек-ткач, человек-пекарь, человек-шофёр. Причём, у него нет никаких других потребностей, никакого комплекса неполноценности. Ну, нет же у вола комплекса неполноценности от того, что он — вол!.. Ну, вол, и слава богу. И такой человек «будет радоваться, непрерывно. Радоваться, что ему тепло, что помидор — красный, что солнце светит, что ровно в два часа, что бы ни случилось, он получит свой питательный бобовый суп, а ночью — женщину. При условии, что он будет прилежно трудиться. Ну, разве это не милосердно?»

Что толку от совершенствования воли, от того, что ты искупил свои собственные грехи, обращается писатель к партии масс:

«И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных?»

Несчастный, примитивный, ничтожный ремейк дискурса Достоевского - противопоставления «порядка» и свободы - воспроизвел в фильме «Убить дракона» видный член КПСС Марк Захаров. Он еще и дополнил тупейшим «всё дозволено». Ну, если бога-то нет.

Самое смешное в фильме – сопоставление с СССР («когда все вместе, тут плакали от счастья»), ведь в 80-е годы ничего подобного в помине не было.

И главный тезис фильма – революционер вместе с драконом. С властью.

Вернемся от политических проституток к Достоевскому. У Достоевского Христос пришел призвать людей к свободе. В раннем христианстве – да! А вот дальше – сама религия есть и порабощение, и орудие порабощения. Что ни страница святых писаний – не возгордись, не богохульствуй, смирись, не укради (даже веревки у жаждущего повеситься), не убий (даже фашиста), и самое дикое – не возжелай жены ближнего своего. А если случится? Что за нелепый запрет? Обожатель религии Владимир Соловьев возжелал жену ближнего своего. И никто ему слова не сказал. Разумеется, писатель знает это. Инквизитор говорит Христу о другом:

«Всё, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“. Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей, — прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. — Да, это дело нам дорого стоило, — продолжает он, строго смотря на него, — но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?»

— Я опять не понимаю, — прервал Алеша, — он иронизирует, смеется?

— Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что **наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми.** «Ибо теперь только (то есть он, конечно, говорит про инквизицию) стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми?»

То есть. Инквизитор утверждает, что он печется о благе миллионов, как – по выражению историка Колпакиди – о родной матери.

«И кто тебе поверит о свободе? Так ли, так ли надо ее понимать!..» - возражает Алеша.

А как? Как тебе КТО-ТО сверху говорит, а не так, как ты сам ее хочешь понимать? Да ведь инквизитор ни словом не обмолвился, какую именно свободу имеет в виду!

Алеша ничего толком не может возразить, выбрасывает какие-то словеса... И, разумеется – раз нет религии, так «всё позволено»?! Для Алеши нравственные устои привносятся сверху, не возникают в общественной практике низших классов. Значит, Достоевский против революции?

Но даже Алеша – революционер, он уже отверг бога, да он еще – в пику монархии – согласен с Иваном, он тоже приписывает Христу стремление к свободе, которой в помине нет в царской России. Он говорит Ивану, что тот хочет выступить против воли Христа к свободе: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того.»

Что за фамилия – Карамазов? Каракозов. Конспиративно – Алексей Петров. Так как звали одного из трех братьев? Так же, как и Каракозова - Дмитрий. 4 апреля 1866 года Каракозов стрелял в Александра II, произведение «Братя Карамазовы было окончено в ноябре 1880 г. (Хотя был и реальный прототип – каторжный Дмитрий Ильинский, мнимый отцеубийца.) Один из приговорённых вместе с Достоевским к казни, Николай Григорьев, на каторге сошёл с ума. Иван Карамазов тоже сходит с ума. Дмитрий Карамазов – тоже идет на каторгу.

Тут начинает солировать другая тема:

«Если бы возможно было помыслить... что три эти вопроса страшного духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить, вновь придумать и сочинить, чтоб внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных... и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трех словах, в трех только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, — то думаешь ли ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены тебе тогда могучим и умным духом в пустыне? Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. ... Вспомни первый вопрос...: „Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, — ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои.“ Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли, и сразится с тобою, и победит тебя... пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!“ — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой. Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но... может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным? И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то **что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ**, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и **будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать**, так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое...»

Казалось бы, Достоевский тут повторяет начатое выше противоположение «хлеб – свобода». Да еще следует буржуазии, которая привыкла «обвинять рабочих в лени, пьянстве, беспорядочных половых связях» (Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии»). Не совсем так.

О, вся Россия помнит этот разговорец неподкупной интеллигенции российской, эти слова представителя элиты, артиста Юрия Яковлева: «А... разве говорит о куске хлеба – это интеллигентно?» Помним, как самиздатовское либеральное «Сибинфо» в 1990 году печатало карикатуру на последователя Нины Андреевой, мужичка на трибуне, вид сзади – без штанов: «Не могу поступиться принципами!»

Помним, как девушки-телеведущие, после того, как в стране грянула гиперинфляция и смертность превысила рождаемость, вдруг неуверенно заговорили словами Нины Андреевой: «Ну, мы же ради куска хлеба не поступимся принципами демократии, правда?»

Как можно объять природу одним уравнением. Разве выражается она только путем математического абстрагирования. Можно ли мир загнать в три вопроса. Разве можно в одной небольшой книжке, Библии, выразить сложность всего мира.

Как может Инквизитор поминать хлеб, если Христос накормил пятью хлебами 5 тыс. человек... О какой свободе может говориться в Библии. Нет никакого Инквизитора и Христа. Есть лишь петрашевцы, Достоевский, Спешнев, Григорьев – и жестокий вопрошающий разум: что хотели настряпать? И этот разум, есть, без сомнения, сам Достоевский.

О какой свободе пели, почему не видели, не понимали, что без хлеба ни о каких высотах духа и речи нет, почему не поняли, что они – вне народа. «Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных.» Архискверный!

Это довольно банальный момент, Дон Кихот Ламанчский, который много раз обыгрывался в советской литературе и в советском кинематографе – для Достоевского же это была история его и его страны. Для народовольцев – это была их история: десятилетия борьбы народовольцев за души российских крестьян «разбились о стену равнодушия масс», пишет Ленин в статье «Памяти Парижской коммуны».

Главное же добавление, которое делает Достоевский, мы сформулируем так, как это делал оппортунист Эдуард Бернштейн: не может масса выбиться за рамки борьбы за более выгодные условия продажи рабочей силы. Почему? «Потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики», - отвечает Достоевский. (Надо бы уточнить – анархисты, именно так будут десятилетиями клеймить любую критику.) И предрекает: «... и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать... Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое». Никому это ничего не напоминает? США? Нет, СССР! Красной нитью сквозь историю ВКПб-КПСС пройдет бернштейнианское «планы партии – планы народа».

В тоже время не стоит приписывать Достоевскому ленинское понимание: идти от ближайших интересов миллионов. Иван Карамазов показывает правду инквизитора против христовой свободы, но сам возражает против «хлебного» интереса. Вот что дальше в разговоре Ивана и Алексея:

«Но позволь, однако: неужели ты в самом деле думаешь, что всё это католическое движение последних веков есть и в самом деле одно лишь желание власти для одних только грязных благ? Уж не отец ли Паисий так тебя учит?»

— Нет, нет, напротив, отец Паисий говорил однажды что-то вроде даже твоего... но, конечно, не то, совсем не то, — спохватился вдруг Алеша.

— Драгоценное, однако же, сведение, несмотря на твое: «совсем не то». Я именно спрашиваю тебя, почему твои иезуиты и инквизиторы совопились для одних только материальных скверных благ?»

То есть. Достоевский обеими ногами, по колению, стоит на почве... не-ет, не земли русской, в которой живут люди, в отличие от прочих ущемленных наций, обладающие, согласно Делягину и др. – особым чувством справедливости. Он стоит на почве обыкновенного уравнительного коммунизма... С лишенным потребностей индивидом, с представлением о некоем минимуме (Маркс). Именно потому Достоевский и приписывает социализму лозунг «Не смей иметь собственности». Как бы не так! Землю – крестьянам, фабрики – рабочим, именно в частную собственность.

Вивекананда переворачивает «формулу» Ивана Карамазова (самого Достоевского):

«До тех пор, пока в Индии есть хотя бы одна голодная собака, моя религия состоит в том, чтобы ее накормить!»

Но разве анархист и уравнитель Прудон – архискверный? Да, Маркс нещадно его критиковал, но высоко ставил иные его книги, да вообще дружил до поры. Но разве взглядами революционеров движется истории? Она движется практикой, а дурные взгляды живут сами по себе. После Парижской коммуны, во главе которой стояли в том числе бланкисты и прудонисты, Маркс переписывал заново свой «Капитал» - практика исправила лучшую из теорий.

Разве архискверными или реакционными были уравнительные коммунисты Мор, Кампанелла, Морелли, Мозес Гесс, Вейтлинг, стоявшие у истоков социализма?

Может возникнуть впечатление, что Достоевский, добавляя тему в полифонию, выводит, как абстрактную формулу, некие скрижали, когда говорит о замученном ребенке. На самом деле

Достоевский вполне конкретен. Он не пишет инвенции, все его темы – взрывные. Он говорит о царизме. В «Братья Карамазовы» говорит революционер Достоевский. Формулировка нарочито абстрактная, повторим – после смертного приговора и ссылки.

«... Это было в самое мрачное время крепостного права... и да здравствует освободитель народа! Был тогда... один генерал, генерал со связями большими и богатейший помещик, но из таких (правда и тогда уже, кажется, очень немногих (**есть у нас еще отдельные случаи, Б. И.**)), которые, удаляясь на покой со службы, чуть-чуть не бывали уверены, что выслужили себе право на жизнь и смерть своих подданных... Ну вот живет генерал.... Псарня с сотнями собак и чуть не сотня псарей.... И вот дворовый мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то играя камнем и зашиб ногу любимой генеральской гончей. "Почему собака моя любимая охромела?" Докладывают ему, что вот дескать этот самый мальчик камнем в нее пустил и ногу ей зашиб. "А, это ты, - оглядел его генерал, - взять его!" Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидел в кутузке, на утро чем свет выезжает генерал во всем параде на охоту, сел на коня, кругом его приживальщики, собаки, псари, ловчие, все на конях. Вокруг собрана дворня для назидания, а впереди всех мать виновного мальчика. Выводят мальчика из кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенний день... Мальчика генерал велит раздеть, ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... "Гони его!" командует генерал, "беги, беги!" кричат ему псари, мальчик бежит... "Ату его!" вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глаза матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? ...

- **Расстрелять!** - тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата.

- Bravo! - завопил Иван в каком-то восторге, - уж коли ты сказал, значит... Ай да схимник! Так вот какой у тебя бесенок в сердечке сидит, Алешка Карамазов!

- Я сказал нелепость, но...

- То-то и есть, что но... - кричал Иван. - Знай, послушник, что нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит и без них может быть в нем совсем ничего бы и не произошло. Мы знаем что знаем! ... - Слушай меня: ... Об остальных слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра - я уж ни слова не говорю... Я клоп и признаю со всем принижением, что ничего не могу понять, для чего все так устроено. Люди сами, значит, виноваты: им дан был рай, они захотели свободы и похитили огонь с небеси, сами зная, что станут несчастны, значит нечего их жалеть. ... от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к "боженьке"! Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

- Нет, не согласился бы, - тихо проговорил Алеша.

- И можешь ли ты допустить **идею**, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?»

Фашисты практиковали наступления, толкая перед собой женщин и детей, то же практиковали чеченские боевики – и солдаты не стреляли. Они не читали Достоевского.

Пусть погибнет 2/3 человечества, зато оставшая треть будет жить при коммунизме. Это, конечно, никакой не софизм. Просто высказывание предполагает, что именно партия будет инициатором ядерной войны. Не развитие производительных сил, не конкуренция между странами, не стремление удушить ростки коммунизма, а партия. Суть-то в том, что, например, соратники Спартака или Разина не ведали, сколько их погибнет. Не ведали этого и солдаты Красной Армии, а ведь – во избежание великих жертв – могли бы и не сопротивляться!

Не говоря уже о том, что никакого коммунизма после ядерной войны невозможно, не выживет и треть. В лучшем случае, будет каменный век.

Впрочем, «коммунист» Пол Пот воспринял сказанное Мао буквально: «В Камбодже проживает 8 млн, мне нужны только три». И истребил пять миллионов. Разве не оправдано уничтожение 4-5 миллионов невинных тем, что за короткий срок СССР победил в войне и стал великой индустриальной державой?

Совсем не абстрактный вопрос: Иван и Алексей Карамазовы – против конкретно самодержавия, против той конкретной системы, в которой царский генерал имеет право травить собаками ребенка, и все оправдано верой в царя и отечество. И не просто против – оба стоят за расстрел, за насилие! В 30-е их бы осудили как троцкистов и агентов гестапо, заодно и Достоевского бы...

И в романе «Преступление и наказание» революционер Достоевский бунтует против царя. Здесь он достигает уровня марксизма (именно марксизма!). В диалоге Раскольникова со следователем он спрашивает: является ли государь обычным уголовником, если послал на смерть миллионы, должно ли его судить единым с народом судом, или он и народ не едины и т.д.

« ... если припомните, проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан. Раскольников усмехнулся усиленному и умышленному искажению своей идеи.

- ...Право на преступление? Но ведь не потому, что "заела среда"? - с каким-то даже испугом осведомился Разумихин.

- Нет, нет, не совсем потому, - ответил Порфирий. - ... в ихней статье все люди как-то разделяются на "обыкновенных" и "необыкновенных". Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные...

- Да как же это? Быть не может, чтобы так! - в недоумении бормотал Разумихин.

Раскольников усмехнулся опять... Он решил принять вызов.

-... Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства, как вы говорите. Мне кажется даже, что **такую статью и в печать бы не пропустили**. Я просто-запросто намекнул, что "необыкновенный" человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда **спасительной, может быть, для всего человечества**) того потребует. ... По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее... я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть **законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами**, и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь.

Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. ... я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, **должны, по природе своей, быть непременно преступниками**, - более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться... вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано. Что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенных, то я согласен, что оно несколько произвольно... Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что **люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово.** Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и **тут решительно нет ничего для них унижительного.** Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частию они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. **Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь**, - смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, - это заметьте. ... Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда - господин настоящего, второй разряд - господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать. Одним словом, у меня все равносильное право имеют...

- ... Но позвольте, - обращаясь к давешнему, - **ведь их не всегда же казнят; иные напротив...**

- Торжествуют при жизни? О да, иные достигают и при жизни, и тогда...

- Сами начинают казнить?

- Если надо и, знаете, даже большею частию. Вообще замечание ваше остроумно.

- Благодарю-с. Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ли, знаки такие есть? ... нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?..

Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет "устранять все препятствия", как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...

- О, это весьма часто бывает! Это замечание ваше еще даже остроумнее давешнего... но примите в соображение, что ошибка возможна ведь только со стороны первого разряда, то есть "обыкновенных" людей (как я, может быть очень неудачно, их назвал). Несмотря на врожденную склонность их к послушанию, по некоторой игривости природы, в которой не отказано даже и корове, весьма многие из них любят воображать себя передовыми людьми, "разрушителями" и лезть в "новое слово", и это совершенно искренно-с. Действительно же новых они в то же время весьма часто не замечают и даже презирают, как отсталых и унижительно думающих людей. Но, по-моему, тут не может быть значительной опасности, и вам, право, нечего беспокоиться, потому что они никогда далеко не шагают. За увлечение, конечно, их можно иногда бы посесть, чтобы напомнить им свое место, но не более; тут и исполнителя даже не надо: они сами себя посекут, потому что очень благонравны; иные друг дружке эту услугу оказывают, а другие сами себя собственноручно... Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, - выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего... Такой закон есть.

- ... но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, "необыкновенных-то" этих? ... согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а?

- О, не беспокойтесь и в этом, - тем же тоном продолжал Раскольников. - Вообще людей с новой мыслью, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало. Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. **Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.** Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы наконец, чрез какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом, посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, понатужиться и породить наконец на свет, ну хоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. Еще с более широкою самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один (я говорю примерно, наглядно). Еще с более широкою - из ста тысяч один. Гениальные люди - из миллионов, а великие гении, завершители человечества, - может быть, по истечении многих тысяч миллионов людей на земле. Одним словом, в реторту, в которой все это происходит, я не заглядывал. Но определенный закон непременно есть и должен быть; тут не может быть случая.

- Да что вы оба, шутите, что ль? - вскричал наконец Разумихин. - Морочите вы друг друга или нет? Сидят и один над другим подшучивают! Ты серьезно, Родя? ... - Ну, брат, если действительно это серьезно, то... Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на все, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно оригинально во всем этом, - и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, - это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное... Нет, ты как-нибудь да увлекся! Тут ошибка. Я прочту... Ты увлекся! Ты не можешь так думать... Прочту. ...

- ... Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... - будущий, разумеется, - да и давай устранять к тому все препятствия... Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... и начнет добывать себе для похода... знаете? ...

- Я должен согласиться, - спокойно отвечал он, - что такие случаи действительно должны быть. Глупенькие и **тщеславные** особенно на эту удочку попадаются; молодежь в особенности. ... не я в этом виноват. Так есть и будет всегда. Вот он (он кивнул на Разумихина) говорил сейчас, что я кровь разрешаю. Так что же? Общество ведь слишком обеспечено ссылками, тюрьмами, судебными следователями, каторгами, - чего же беспокоиться? И ищите вора!..

- Ну, а коль сыщем?

- Туда ему и дорога.

- Вы-таки логичны. Ну-с, а насчет его совести-то?

- Да какое вам до нее дело?

- Да так уж, по гуманности-с.

- У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку. Это и наказание ему, - oprичь каторги.

- Ну а действительно-то гениальные, - нахмурился, спросил Разумихин, - вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?

- Зачем тут слово: должны? Тут нет ни позволения, ни запрещения. Пусть страдает, если жаль жертву... Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть...»

Достоевский как в воду глядел. Откроют-таки закон! Пройдет столетие, буржуазные идеологи будут объяснять привилегированное положение высших классов особенностями генома их представителей. Почитайте, какую чепуху пишет о «Преступлении и наказании» Википедия: Раскольников-де убил процентщицу из-за бедности, а потом никак не мог спрятать награбленное... В редакции Википедии забыли, что взял-то Раскольников всего лишь 20 копеек. Ай да богатство.

Итак - архискверный. Но.

Жить хочет Достоевский, жить, потому и отсылает он читателя к Наполеонам. В то время как и царь всероссийский занят тем же – убийством миллионов. О царе всероссийском пишет Достоевский, против царя он выступает, вовсе не абстрактно. Говорит правду в стране, в которой за правду сажают в тюрьму. Он пишет о СИСТЕМЕ, где люди, по заветам Гегеля, делятся на правителей, воинов и тварей кишащих. Стандартная расистская теория. Достоевский – враг генетического расизма, враг формулы Новодворской «винеры и лузеры». Против кастовой, классовой структуры общества.

Проходит время. 5 февраля 1880 года народоволец, вятский рабочий Степан Халтурин произвёл взрыв в Зимнем дворце, в результате которого император не пострадал, хотя было убито и ранено несколько десятков гвардейцев. Достоевский открыто возмущается, что если б знал о теракте – не предупредил бы. Вот какая ненависть, что гвардейцев не жаль. И еще – великий писатель собирается начать новую главу «Братьев Карамазовых», где богомолец Алеша становится революционером. Но уже в романе Достоевский доводит логику власти до конца, как на картинке показывает всю мерзость царской политики, чудовищную нравственность власти.

И что же? Сталинисты следуют расистской теории Наполеонов. Еще мы скажем: бернштейновской теории меченосцев, пастырей духовных, светильников разума, способных обобщать и вооруженных передовой теорией. Сталинисты утверждают, что о Сталине нельзя рассуждать как об обычном

человеке. А только как о существе на высшей ступени советского общества, только как об исторической личности. То, что невинных людей Сталин убил больше, чем Чикатило, не имеет значения для сталиниста. Для сталиниста Сталин неподсуден, не равен перед законом. Ибо он человек государственный, особый, поставленный надо всеми, имеющий право в интересах государства уничтожать миллионы.

Гораздо проще приписать виновность Раскольникову, Рыкову, Рютину и еще миллионам, чем обвинить одного генерального секретаря с его манией величия, с двумя памятниками в каждом городе. В России всегда так: самый главный – ни в чем не виноват, у каждого Сердюкова есть своя Васильева.

Точно так же рассуждал Джефферсон: рабовладение, писал он, несмотря на издержки, послужило экономическому взлету Америки.

Дошло до того, что восхваляют Ивана Грозного и Петра I. Ведь они государственные люди. Их нельзя оценивать мерками рядовых граждан. Функционер РКРП Аккуратов шумит, мол, «вы не понимаете принципа историзма». Читатель, посмотри справочник. Принцип историзма – пустопорожняя тривиальщина-банальщина. Но с его помощью хотят оправдать обыкновенную уголовщину. (Точно так же, как своей «теорией», на 100% взятой у Гегеля, объяснял свою уголовщину Сталин... простите, Достоевский. Ныне данную «теорию» продвигает в массы Френсис Фукуяма, см. «Конец истории») При этом у наших псевдокоммунистов классовый подход исчезает начисто. Они никак не могут сообразить, что ЛЮБОЙ царь, даже прогрессивный (как прогрессивный буржуа) является классовым врагом. Аккуратов договорился до того, что, поскольку в эпоху Петра не было рабочего класса, так и классовый подход неуместен.

К разуму, разуму взывает Достоевский в этом животном государственноческом беспределе, потому и возмущение этим беспределом вкладывает в уста Разумихина.

Стало быть, когда американский империализм завоевывает какую-либо страну – это отвратительно. Зато когда Иван Грозный или Петр путем убийств тысяч людей прибавляют к территории России куски – это прогресс. Те же, кого завоевали, должны радоваться и даже гордиться. И эти тщеславные псевдореволюционные людишки кому-то говорят о двойных стандартах!

Фальшь и грязь этих людишек в полной мере разоблачает великий Федор Достоевский.

Между прочим, Лев Толстой писал о Петре I: «С Петра I начинаются особенно близкие и понятные ужасы русской истории. Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живыми в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует... сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных членов и подобиями Евангелий — ящиком с водкой... коронует б...дь свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына... и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему».

Что. Когда шли воевать, не о фашизме думали? Не об антифашистском восстании народа думали? О продвижении «Русского мира» думали? Стоящее над, поклоняющееся монархии, высокомерное руководство ЛДНР всего лишь раз (в Мариуполе) удосужилось встретиться с трудовыми коллективами. Русский писатель Федор Достоевский – против вас. Он знает: фальшью – не победить зло. Потому вы (и мы с вами) и потерпели поражение.

12-14.6.2016, Пермь